

Иллюминація погасала. Забытые транспаранты распространяли копоть. Погухшія бочки смрадно дымились.

Встревоженный Алексѣй Борисовичъ безцѣльно ходилъ по комнатамъ и съ односложной вѣжливостью отвѣчалъ на успокоенія гостей. Огедъ Ихтіозавръ сидѣлъ около Вари. Волхонскій нѣсколько разъ подымался наверхъ и спрашивалъ, не очнулась ли она. Но обморокъ все продолжался, перемежаемый неясными вздохами, и онъ мрачно сходилъ оттуда и въ разсѣянности смотрѣлъ на гостей. Авторъ знаменитой брошюры подъ шумокъ завладѣлъ Лукавинымъ и рассказывалъ ему о блистательныхъ свойствахъ его «знаменитаго родителя», и о томъ, что онъ, старецъ, хотя и косвенно, но нѣкоторымъ образомъ поспособствовалъ полученію Лукьяномъ Трифонычемъ ордена «святая Анна». А послѣ старца, къ Петру Лукьянычу съ азартомъ подошелъ Цуцкой (тотъ, что поумнѣе).

— Не можете вы одолжить мнѣ до завтра семь-сотъ рублей? — отрывисто спросилъ онъ, сердито вращая глазами.

— Не располагаю такой суммой, — вѣжливо отвѣтилъ Лукавинъ.

— И пятью-стами не располагаете?

— И пятью-стами не располагаю.

Цуцкой подумалъ.

— Ну, давайте двѣ сотни, — сказали онъ.

— И тѣхъ не могу.

Цуцкой укоризненно посмотрѣлъ на Лукавина.

— Эхъ, вы! а еще Россію грабите, — вымолвилъ онъ и, не поклонившись, направился къ выходу.

«Эка чистякъ какой!» — мысленно воскликнулъ Лукавинъ и насмѣшливо улыбнулся. Но онъ и не подумалъ разсердиться на Цуцкова.

Наконецъ, всѣ разъѣхались. Всѣ на прощанье горячо пожимали руку Алексѣя Борисовича и съ сочувствіемъ заглядывали ему въ глаза. Лукавинъ тоже подошелъ къ нему съ пожеланіемъ покойной ночи. Но Волхонскій вдругъ разчувствовался и по какому-то влеченію крѣпко обнялъ и поцѣловалъ Петра Лукьяныча.

Остался одинъ Ихтіозавръ. Онъ тяжело вздыхалъ и, раздражительно пошевеливая усами, хлопоталъ около Вари. «По крайней мѣрѣ двадцать-пять рублей должны мнѣ дать», думалъ онъ, въ промежуткахъ, между тѣмъ, какъ давалъ Варѣ нюхать спиртъ, или приказывалъ Надеждѣ согрѣвать ей ноги.